

ОЛЬГА ДАШКОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СДАВАЙСЯ
Капитан,
ЭТО ЛЮБОВЬ

Ольга Дашкова

Сдавайся Капитан, это Любовь

«Автор»

2026

Дашкова О. В.

Сдавайся Капитан, это Любовь / О. В. Дашкова — «Автор», 2026

Она снимает все подряд и живет без плана. Он не делает ничего без плана и смотрит на хаос как на личное оскорбление. Два соседних дома, шесть гусей, деревня Комарово и баба Клава, которая давно все про всех знает. — Раечка, они опять у забора стоят и разговаривают. — Клавдия Петровна, это называется «ругаются». — Это называется «не могут друг без друга». Я уже всем рассказала. Ну до чего красивая пара! Капитан думает — это просто отпуск. Вероника думает — это просто сосед. Гуси так не думают. И, как всегда, они правы. Сдавайся, Капитан — это любовь!

Содержание

Глава 1 «Водостойкая тушь и другие стратегические решения»	5
Глава 2 «Дело было не в гусях»	8
Глава 3 «Операция Купидон»	10
Глава 4 «Чрезвычайное положение»	13
Глава 5 «Ночная миссия»	16
Глава 6 «Нештатная ситуация»	19
Глава 7 «Не мой типаж»	22
Гл	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ольга Дашкова

Сдавайся Капитан, это Любовь

Глава 1 «Водостойкая тушь и другие стратегические решения»

Вероника

Всегда думала, что свадьбы бывают двух видов: пафосный цирк с лебедями и фейерверком или дешевый кринж с тамадой из девяностых.

Свадьба мамы и ее генерала не вписывалась ни в одну категорию. Это было что-то принципиально новое. Что-то вроде деревенского фестиваля, на котором все все про всех знают, искренне друг другу рады и плачут не потому, что так принято, а потому, что правда чувствуют.

Короче говоря, я тоже поплакала, но немного. Водостойкая тушь оправдала вложения.

Двор был украшен полевыми цветами, стол накрыт белыми скатертями, которые баба Клава лично гладила с семи утра, это я видела в окно. Гуси расхаживали между гостями в венках из ромашек и клевера.

Это была моя идея, и я до сих пор считаю ее блестящей, несмотря на то что Антон веночек немедленно съел, посмотрел на всех с видом победителя и пошел за добавкой к столу.

Мама стояла в кремовом платье и смотрела на Ивана Мироновича так, будто он лично придумал лето, которое их свело. Иван Миронович смотрел на маму примерно так же, но молча, серьезно, с одной тихой слезой, которую он смахнул так незаметно, что заметила только я.

И мама. Мама замечает все.

Я стояла с бокалом просекко, снимала происходящее на телефон и чувствовала внутри что-то теплое и необратимое. Мама счастлива. По-настоящему, не для отчетности. Шесть лет она жила одна и говорила, что ей хорошо, и это была правда, но не вся правда.

А сейчас это была вся правда целиком. За это можно было простить даже присутствие Дмитрия Бурова. Капитана Бурова.

Он стоял у дальнего края стола в белой рубашке с закатанными рукавами, единственная уступка праздничному дню, потому что в остальном он выглядел так, будто явился на плановую проверку, а не на свадьбу родного отца.

Прямая спина, серьезное лицо, взгляд человека, который постоянно оценивает обстановку. Красивый, что совершенно несправедливо для настолько занудного и душного человека. Мы были знакомы неделю. Этого хватило с избытком.

Познакомились раньше, в поезде, мы ехали в одном купе, и он меня раздражал с первой минуты. Потом ехали в одной такси в одну сторону и даже на одну улицу, потому что такси было всего одно, и пришлось делить с капитаном Буровым и эту дорогу.

А уже за маминим столом на следующий день после приезда, куда он пришел, чтобы познакомиться с невестой своего отца, мы немного подискутировали, Иван Миронович поперхнулся чаем. Мама сделала вид, что очень занята вареньем. Дмитрий посмотрел на меня, зафиксировал данные, заносил в длинный список недостатков.

С тех пор мы виделись каждый день, потому что деревня маленькая, участки соседние, и Антон со своими сородичами принципиально не признавал никаких границ. Каждый день был примерно одинаковым: он вставал в пять тридцать и создавал суету. Я вставала в десять и к одиннадцати успевала снять три Reels с гусями. Мы пересекались за общим столом и у

общего забора, и каждый раз разговор заканчивался примерно одинаково: ничьей и взаимным решением сделать вид, что все нормально.

Все было нормально. Просто он был занудой. Это тоже нормально. Я знала людей хуже. Я просто раньше не жила с ними по соседству.

На свадьбе мы держались на приличном расстоянии, что было тактически верным решением с обеих сторон. Я снимала для мамы, он стоял рядом с отцом и выполнял функцию поддержки.

Антон в это время методично обходил гостей в поисках незащищенной еды и успел стащить кусок каравая, огурец с тарелки Никитича и чью-то бутербродную шпротину прямо из рук.

Баба Клава произнесла тост длиною в пятнадцать минут, я засекала. Потом мама и Иван Миронович поцеловались под общий крик «горько», и все захлопали, и Антон загоготал, и я тоже хлопала, и краем глаза видела, как Дмитрий смотрит не на родителей, а куда-то в сторону пруда, и лицо у него при этом было совсем не официальным. Просто человеческим, даже немного растроганным, это было неожиданно.

Потом мама объявила про свадебное путешествие. Две недели, море, послезавтра вылет. Я была рада. Абсолютно, искренне рада. Пока не поняла последствия. Баба Клава поняла раньше и немедленно озвучила:

– А вы, детки, значит, остаетесь за старших! Дома, гуси, огород! Будет весело!

Я посмотрела на Дмитрия. Дмитрий посмотрел на меня. В его взгляде читалось примерно то же, что я чувствовала: *понимание неизбежного и вежливая готовность с этим жить*.

– Не переживай, – сказала я. – Я постараюсь не нарушать твое расписание полива.

– А я постараюсь не комментировать твои Reels с гусями.

– Антон, между прочим, очень фотогеничный.

– Антон только что съел чью-то шпротину.

– Это называется широкий кругозор.

Иван Миронович положил руку сыну на плечо и сказал ему что-то тихо. Я расслышала только «забор не заколачивай» – и по тому, как Дмитрий медленно повернул голову в мою сторону, поняла, что он тоже услышал все.

Я лучезарно улыбнулась, он ответил вежливым кивком. Капитан Буров был человеком, который умел держать лицо. Я это умение уважала, даже когда оно меня раздражало.

Мама в этот момент поймала мой взгляд поверх голов и чуть приподняла бровь. Я знала этот мамин сигнал. Он означал: *«Ника, веди себя прилично»*.

Я веду себя прилично. Я всегда веду себя прилично. Я просто веду себя прилично по своему.

Потом были тосты, настойка из смородины, песни, которые начала баба Клава и подхватили все остальные, включая Никитича, у которого оказался неожиданно приличный голос.

В какой-то момент я поняла, что стою рядом с Дмитрием. Просто так получилось, гости сдвинулись, место у яблони оказалось одно на двоих. Мы постояли молча секунды три.

– Они хорошо смотрятся, – сказала я, кивнув на маму и Ивана Мироновича.

– Да, – сказал он. Просто и без комментариев.

– Ты рад за отца?

Он помолчал секунду, не потому что сомневался в ответе, а потому что, кажется, не привык, чтобы его спрашивали о таких вещах напрямую.

– Очень, – сказал наконец.

И в этом одном слове было столько всего, что я неожиданно для себя поняла: он не просто рад. Он давно ждал чего-то подобного для отца, может быть, даже не осознавая этого.

И теперь это случилось, и он немного не знает, что с этим чувством делать? Потому что чувства у него, судя по всему, живут отдельно от расписания и в список задач не вписываются.

Антон прошел между нами с видом гуся, которому известно больше, чем он говорит. Я проводила его взглядом.

Послезавтра родители улетают. Две недели, мы остаемся вдвоем с капитаном, шестью гусями и огородом, который никого не спрашивает, хочешь ты его поливать или нет.

Если бы кто-то сказал мне три недели назад, в том поезде, чем все это обернется, то я бы пересела в другой вагон.

Поздно.

Глава 2 «Дело было не в гусях»

Дмитрий

На свадьбу отца я надел белую рубашку.

Это был компромисс между тем, что требовал случай, и тем, что я физически способен носить без ощущения маскарада. Брюки, рубашка, рукава закатал, потому что июль и потому что деревня. Посмотрел в зеркало, решил, что сойдет.

Отец стоял у стола в том же состоянии, в котором бывают люди, когда понимают, что все правильно, но осознать это целиком не получается. Слишком большой объем за один раз.

Я таких моментов у него за жизнь видел мало. По пальцам одной руки пересчитать можно было: когда я первый раз приехал в форме домой, когда получил капитана. И вот сейчас, у накрытого стола в деревне Комарово, рядом с женщиной в кремовом платье, которая смотрит на него так, будто он лично отвечает за ее счастье и справляется на отлично.

Я был рад за него. По-настоящему, без оговорок.

Раиса Захаровна за неделю знакомства успела накормить меня пирогами восемь раз, выслушать про службу без единого зевка и однажды сказать мне в ответ на что-то: «Дима, ты слишком много думаешь о том, что правильно, и слишком мало о том, что хорошо».

Я запомнил, это была точная формулировка.

Свадьба была деревенской, шумной и совершенно настоящей. Баба Клава произнесла тост на пятнадцать минут, я засек не из вредности, а по профессиональной привычке отмечать временные отрезки.

В тосте были упомянуты: огород, покойный муж Петр Семенович, международная обстановка и кто-то по имени Нинка, которую я не знал, но которая, судя по интонации, крупно в чем-то провинилась.

Гуси были в венках, это была идея Вероники, и я не собираюсь это комментировать. Антон венок съел немедленно, да с таким деловым видом, что несколько гостей зааплодировали.

Я не аплодировал, но внутренне отдал должное – последовательность в принятии решений достойна уважения вне зависимости от того, кто их принимает.

Вероника снимала все подряд: стол, маму, отца, гусей, небо, собственные туфли на фоне травы, Антона с набитым клювом. Телефон у нее в руке существовал как отдельный орган, она с ним не работала, она им дышала. Желтое платье, светлые волосы, смеялась громко, не оглядываясь на то, уместно это сейчас или нет.

Неуместно не было ни разу. Это я тоже отметил.

За неделю мы успели поспорить четыре раза. Ни разу по-настоящему, так, по касательной, когда два человека с принципиально разными операционными системами пытаются выполнить одну задачу.

Она включала музыку, я выходил во двор. Я вставал в пять тридцать, она выходила в десять с видом человека, для которого утро начинается по личному усмотрению.

Она снимала гусей, гуси шли куда хотели, я иногда наблюдал это из окна с кружкой кофе и думал, что Антон – единственное существо на этом участке с четким маршрутом и ясной целью. Веронике до него ой как далеко.

Антон я за это уважал.

На свадьбе мы держались на дистанции, которая в тактическом смысле называется «зона контроля без прямого контакта». Это работало примерно до момента, когда гости сдвинулись к столу, и у яблони осталось одно место на двоих.

Она первая нарушила молчание.

– Они хорошо смотрятся.

– Да.

– Ты рад за отца?

Вопрос был прямой, без обертки. Я не сразу ответил, и не потому что сомневался, а потому что «рад» здесь было словом явно недостаточного калибра для того, что я на самом деле чувствовал.

Отец тридцать лет держал все внутри и снаружи одновременно. Служба, граница, ответственность и личное всегда на третьем месте, потому что так устроена профессия, а потом так устраивается жизнь, и в какой-то момент перестаешь замечать, что личное вообще существует. Я это знал не со стороны.

– Очень, – сказал я.

Она не стала развивать тему, просто кивнула. Это было неожиданно, от нее я ожидал продолжения, уточнений, следующего вопроса. Вместо этого она смотрела на родителей с таким тихим и совершенно не телефонным выражением лица, что я впервые подумал: она не такая простая конструкция, какой кажется.

Потом заговорила баба Клава.

– А вы, детки, остаетесь за старших! Дома, гуси, огород! Красота!

Послезавтра родители улетают на две недели. Я произвел быстрый оперативный расчет. Два соседних дома, шесть гусей, огород Раисы Захаровны, один пруд, четыре недели моего отпуска, из которых две совпадают с ее присутствием. Переменных много, управляемость средняя. Прогнозируемость – под вопросом.

– Не переживай, – сказала Вероника, – я постараюсь не нарушать расписание полива.

– А я постараюсь не комментировать видео с гусями.

– Антон, между прочим, фотогеничный.

– Антон только что утащил шпротину у Никитича.

– Широкий кругозор.

Отец в этот момент сказал мне на ухо: «Забор не заколачивай». Я повернулся к нему, он смотрел прямо перед собой, дал совет и умыл руки.

Потом посмотрел на Раису Захаровну, она смотрела на свою дочь. Между ними что-то прошло, быстро, молча, на том женском языке, который не требует слов и не поддается расшифровке.

Баба Клава подняла рюмку: «За молодых! И чтобы дети тоже нашли свою пару!» Многозначительно уставилась на нас обоих. Вероника демонстративно изучала содержимое своей тарелки, я демонстративно изучал горизонт. Антон прошел между нами с независимым видом и скрылся под столом.

Вечером я вернулся к себе, лег в положенное время, уставился в потолок. В соседнем доме еще горел свет, потом погас.

Две недели. Четырнадцать дней. Триста тридцать шесть часов. Я умею работать в любых условиях. Это базовый навык, который вырабатывается на первом году службы и не исчезает никогда.

Сложный рельеф, непредсказуемая погода, личный состав с нестандартным поведением – все это рабочие вводные, не более. Нестандартное поведение личного состава я уже наблюдал неделю.

За окном стрекотали кузнечики, в пруду плескались карпы отца, который он вырыл сам и которым очень гордился. Закрыв глаза. Одно я знал точно: следующие две недели потребуют значительно больше ресурсов, чем полив огорода и присмотр за гусями.

И дело было не в гусях.

Глава 3 «Операция Купидон»

Вероника

Мама с Иваном Мироновичем уехали в восемь утра.

Я знала это, потому что мама зашла попрощаться и тихо поцеловала меня в лоб, чтобы не будить окончательно. Я пробормотала что-то, она засмеялась, потом за окном хлопнула дверца машины, и наступила тишина.

Я повернулась на другой бок и проспала еще три часа.

В одиннадцать тридцать вышла на крыльцо с кофе и обнаружила записку на заборе. Не письмо, не сообщение в телефон, как это делают нормальные люди, а именно записку. На бумаге, написанную карандашом и ровным почерком человека, у которого каллиграфия входит в боевую подготовку:

«Помидоры с огурцами полил. Гуси накормлены. Расписание полива на две недели лежит на столе в летней кухне. Д.»

Перечитала дважды. *Расписание полива? На две недели? На столе в летней кухне?*

Я пошла в летнюю кухню, расписание действительно было на столе. Таблица со столбцами, с указанием культур, объема воды и временных интервалов. Внизу сноски: *«При осадках более 10 мм корректировать согласно пункту 3»*.

Пункт три был на обороте. Поставила кофе, села, это надо было переваривать сидя, посмотрела на таблицу.

Значит, капитан Буров встал, сделал зарядку, полил то, что надо было полить, накормил гусей. Составил документ стратегического планирования для огорода. И все это до того, как я вообще открыла глаза.

Либо он робот, либо у него какое-то глубокое личное горе, которое он заполняет физическим трудом, дисциплиной и вот такими таблицами. Третьего варианта я не придумала.

Антон заглянул в дверь летней кухни, оценил обстановку и удалился. Он был единственным существом на участке, чья позиция по всем вопросам оставалась неизменной и последовательной, я его понимала.

В полдень я решила снимать контент. Концепция была простая: летняя деревня, гуси, натуральная эстетика, легкий юмор. Миллион просмотров, минимум усилий. Сделала венки из новых ромашек, благо их после свадьбы было много, включила музыку через колонку и приступила к работе с личным составом.

Антон венки надел, покосился на колонку. Это уже прогресс.

Музыку поставила хорошую, громкую, бодрящую, с басами, именно то, что нужно для правильного настроения. Деревня должна знать, что на участке Потаповых жизнь продолжается и кипит.

Деревня узнала.

Дмитрий появился через семь минут. Вышел через калитку, не через дыру в заборе, как обычно делал Антон с товарищами, а именно через калитку, что само по себе уже было сигналом. А значит, это был официальный визит.

– Вероника.

Я не обернулась, я снимала.

– Вероника.

– Тихо, я работаю.

– А я делаю дневную разминку.

Опустила телефон и посмотрела на него. Футболка, спортивные брюки, лицо человека, которому помешали выполнять важное государственное задание.

– Дмитрий. Ты в отпуске.

- Мы уже обсуждали эту тему.
- И придем к тому же выводу?
- Убавь музыку.
- Антону нравится.

Антон в этот момент деловито снял венок и аккуратно положил его на землю, как вещественное доказательство. Потом посмотрел на меня, на Дмитрия, а потом ушел в сторону пруда с видом существа, которое умывает лапы.

- Предатель, – сказала ему вслед.
- Убавь музыку, – повторил Дмитрий.
- Нет.
- Пожалуйста.

Это было неожиданно. «Пожалуйста» в его исполнении прозвучало как слово из чужого языка, технически правильное, но явно непривычное во рту.

- Ого! – сказала. – Ты знаешь это слово!
- Я знаю много слов. Убавь музыку.
- Скажи еще раз «пожалуйста» с выражением, и я подумаю.

Он смотрел на меня семь секунд.

– Вероника, – сказал он на восьмой, – мы можем решить это цивилизованно или продолжать стоять и смотреть друг на друга.

- Второй вариант тоже ничего.

Что-то на его лице чуть дрогнуло. Что-то, что могло бы стать улыбкой при других обстоятельствах и другом человеке. Я убавила музыку, не потому что он попросил, а потому что мне так захотелось. Разница, кстати, принципиальная.

Именно в этот момент со стороны калитки раздался знакомый голос.

- Деточки! Я пирогов принесла! Со смородиной!

Баба Клава вошла с корзинкой, огляделась и немедленно начала нас двигать:

– В летнюю кухню идите, там стол, там удобно, я накрою. Димочка, Вероника, мойте руки и ставьте чайник.

- Клавдия Петровна, не нужно...
- Уже несу!

Мы оказались в летней кухне одновременно. Баба Клава поставила корзинку, мы под ее присмотром помыли руки, она расставила кружки, в середину стола поставила тарелку, накрытую полотенцем. Когда чайник закипел, она деловито, с видом профессионала быстро разлила по кружкам заварку с кипятком и вышла.

Дверь закрылась, снаружи лязгнул крючок. Мы оба посмотрели на дверь, потом друг на друга.

- Она заперла нас? – сказал Дмитрий.
- Я вижу.
- Намеренно?
- Очевидно.

За дверью послышались удаляющиеся шаги и негромкое довольное бормотание в стиле «вот и хорошо, вот и ладненько».

Летняя кухня была небольшой, стол, две лавки, плита, старый кухонный гарнитур, раковина, окно с геранью на подоконнике. Пироги пахли отлично, это был единственный бесспорный факт в текущей ситуации.

- Телефон есть? – спросил Дмитрий.
- Оставила на улице.
- У меня тоже нет.
- Окно?

Он оценил окно, протиснуться теоретически было возможно, на практике выглядело бы именно так, как выглядело бы.

– Подождем, – сказал и сел.

Я тоже села, взяла пирог, он взял пирог. Мы ели молча минуты три, пироги были хорошими.

– Расписание полива видела?

– Видела. Там пункт три на обороте.

– На случай дождя.

– Я поняла. Это было лишним, – сказала я. – Я бы разобралась.

– С пунктом три?

– С поливом вообще.

– Ты встала в одиннадцать тридцать.

– Помидоры не просят поливать их в шесть утра.

– Помидоры просят поливать их регулярно и не в полдень.

– Капитан, ты когда-нибудь просто позволял чему-то случиться без подготовки?

Он посмотрел на меня, пауза была чуть длиннее обычной.

– Нет.

– Совсем?

– Совсем.

Мы смотрели друг на друга, в летней кухне было тепло, пахло смородиной и свежим тестом. Он сидел близко, лавки были короткими, стол был небольшим, и это все было архитектурой летней кухни, а не чем-то еще.

Я вдруг поняла, что у него красивые глаза, цвет голубой, не в отца, а еще ресницы длинные. Плечи прямые, даже когда сидит, это, наверное, уже рефлекс.

Убрала взгляд на герань. Герань была красная, очень насыщенного цвета, интересная герань.

– О чем думаешь?

– О герани.

Он посмотрел на герань, потом на меня. В его взгляде было что-то похожее на понимание, которое мне совсем не понравилось.

– Клавдия Петровна вернется через сорок минут, – сказал. – Она всегда выжидает сорок минут.

– Ты знаешь ее тактику?

– Она применяла ее к отцу четыре раза за первую неделю.

– И как?

– Результативно.

Мы помолчали еще немного. За окном Антон прошел мимо с венком в клюве. Баба Клава вернулась ровно через сорок две минуты, открыла дверь и заглянула с видом человека, который ожидал застать совсем другое, но в целом доволен даже тем, что застал.

– Ну как, поели? Поговорили?

– Поели, – сказал Дмитрий.

– Поговорили, – сказала я.

Она посмотрела на нас поочередно, что-то мысленно записала в свой внутренний протокол и ушла со словами «вот и ладненько». Я вернулась к себе, легла поверх одеяла и уставилась в потолок.

У капитана Бурова красивые глаза.

Перевернулась на живот и зарылась лицом в подушку. Это была герань. Я думала о герани. Герань. Красная. Очень насыщенного цвета. Я думала о герани еще примерно час.

Глава 4 «Чрезвычайное положение»

Дмитрий

Утро началось по плану.

Подъем в пять тридцать, зарядка, обливание холодной водой, завтрак в шесть пятнадцать. К восьми я уже прополол грядки с морковью, проверил помидоры, починил покосившийся столб у ворот и выпил вторую кружку кофе на крыльце.

Птицы, туман над прудом, тишина. Именно за этим я и приехал в деревню.

В десять тридцать из соседнего дома донеслась музыка.

Она проснулась раньше обычного. Это уже прогресс.

Налил третью кружку кофе и решил, что это просто фоновый шум. Фоновый шум – рабочая вводная, к нему можно приспособиться. В полевых условиях люди приспосабливаются к гораздо худшим условиям.

В одиннадцать музыка зазвучала громче.

В одиннадцать пятнадцать я вышел во двор и обнаружил, что Вероника устроила гусям полноценную фотосессию. Венки, штатив, колонка на крыльце. Антон сидел с венком на шее и смотрел в объектив с таким профессиональным достоинством, будто занимался этим всю сознательную жизнь.

Неделю назад я бы сказал, что это невозможно. Сейчас я просто принимаю это как данность.

– Вероника, гуси должны быть в загоне до двенадцати.

– Почему? – девушка оторвала взгляд от телефона.

– Потому что в огороде открыта грядка с клубникой.

– Антон клубнику не ест.

– Я видел, как Антон ел огурец, шпроты и венки. Версия про клубнику не выдерживает критики.

Она посмотрела на Антона. Антон смотрел в объектив, венки сидели криво.

– Он занят, – сказала она. – Он работает и ничего не съест, и его друзья тоже.

Друзья и сородичи Антона так не думали и косились на клубнику. Я вернулся к своим делам.

Стратегия «игнорировать и продолжать» в условиях ограниченной территории эффективна примерно до первого форс-мажора.

Форс-мажор случился в двенадцать сорок.

Услышал его раньше, чем увидел, – характерный многоголосый гогот, который отличается от обычного гусяного гогота так же, как учебная тревога отличается от боевой. Вышел из-за угла сарая и остановился.

Огород Раисы Захаровны выглядел так, будто по нему прошла разведывательно-диверсионная группа. Шесть гусей методично обрабатывали грядку с клубникой – с флангов, по центру и в глубину.

Антон стоял у кустов с таким командирским видом, будто лично координировал операцию. Клубника была частично вытоптана, частично съедена. Морковная ботва примята. На помидорной грядке прямо по центру самого крупного куста красовался чей-то след размером с гусиную лапу.

Вероника стояла в пяти метрах и снимала.

– Это, – мой голос прозвучал ровнее, чем я ожидал, – называется «деревенское утро»?

– Я не знала, что они туда пойдут, – она опустила телефон.

– Грядка была открыта.

– Я не заметила.

– Я предупреждал про клубнику.
– Ты предупреждал про Антона. Это был не Антон, это была инициатива всего коллектива.

Антон в этот момент невозмутимо дожевал что-то зеленое и отошел к пруду.

Тридцать шесть кустов клубники. Из них повреждено не менее двадцати. Это два ведра урожая, из которого Раиса Захаровна планировала сварить варенье.

– Вероника!
– Дмитрий!
– Загони гусей.
– Уже поздно.
– Загони гусей в загон и запри на засов.

Как ни странно, Вероника послушалась. Антон шел последним и оглядывался с видом полководца, организованно отступающего. Я смотрел на огород. Потом на Веронику. Она смотрела на огород с выражением лица человека, которому неловко, но который не собирается первым произносить слово «извини».

– Я починю.
– Там нечего чинить. Надо пересадить.
– Значит, пересажу.
– Ты умеешь пересаживать клубнику?

Пауза.

– Научусь.

Она сказала это без иронии. Просто так – и все. Это было неожиданно.

Баба Клава явилась в час дня с пирогами и осведомленностью о случившемся, которую можно объяснить только тем, что в деревне звук гусиного гогота слышен дальше, чем кажется.

– Ай-яй-яй, – сказала она, осмотрев огород. – Ну ничего, бывает. Вот что, ребятки, почините забор в загоне, я видела еще вчера, что доска отошла. Вместе и почините, у меня есть гвозди, и доска в снях лежала.

– Клавдия Петровна, я сам...

– Вместе, – повторила баба Клава с интонацией, не допускающей возражений. – Вероничка подержит, а то одному неудобно. Инструмент я принесла. А то эти бандиты могут выйти без спросу.

Инструмент она действительно принесла: молоток, гвозди и доску, которую она несла на плече с такой легкостью, что я на секунду усомнился в своих представлениях о физических возможностях семидесятилетних женщин.

Мы подошли к загону. Доска была длинная, я приставил ее к пролету, прикинул угол. Нужно было прижимать сверху и снизу одновременно, иначе поведет.

– Держи снизу, – сказал я Веронике.

Она взялась за дело, я встал рядом, потянулся к верхнему краю и понял, что для прижима нужно обхватить доску обеими руками, а Вероника стояла именно там, где должен был стоять я.

Это была чисто техническая задача. Пространственная проблема, не более того.

– Сдвинься чуть левее.

Она подвинулась, я встал вплотную, перехватил доску из ее рук и прижал к забору. Расстояние между нами сократилось до нуля. Сквозь футболку я чувствовал тепло ее плеча и запах, тот самый, который она приносила с собой на летнюю кухню, что-то легкое, летнее, немного цветочное.

Вероника замерла.

Я тоже не шевелился секунду, может, две. В правой руке был молоток, в левой гвоздь, доска прижата, все готово к работе.

Надо было забить гвоздь.

Гвоздь я забил. Потом второй. Отступил на шаг, на необходимое рабочее расстояние.

Вероника выпрямилась и посмотрела на доску, рассматривая ее как очень интересный объект, и рассматривала бы его еще долго, если бы было на что смотреть.

– Держит? – спросил.

– Держит, – ответила.

Баба Клава забрала инструменты с видом глубокого профессионального удовлетворения, попрощалась и ушла. Мы остались у забора.

– Про клубнику, – сказала Вероника.

– Не надо.

– Нет, надо. Я была невнимательна. Это моя зона ответственности.

«Зона ответственности». Она произнесла это выражение абсолютно серьезно, без тени иронии.

– Завтра вместе пересадим все, что можно.

– Ты меня научишь?

– Тут и учить нечему. Просто делай аккуратно.

– Это твой любимый принцип, да, капитан? Аккуратно и по плану.

– Это рабочий принцип.

– А спонтанно ты вообще умеешь?

Я посмотрел на девушку, на щеке у нее была небольшая царапина, наверное, ветка задела, когда она гоняла гусей. Она этого не замечала.

– У меня будет повод потренироваться.

Вероника коротко неожиданно засмеялась. Запрокинула голову, на секунду зажмурилась. Потом посмотрела на меня, а я не понял, как читать этот ее взгляд.

Пошел к себе, лег в двадцать два тридцать. Потолок был тот же, сверчки за окном те же, карпы в пруду те же.

У нее теплое плечо. Это не информация, это просто факт, зафиксированный рецепторами.

Она серьезно сказала: «Зона ответственности». Это тоже факт.

Она смеется, запрокинув голову. Это лишняя информация, которую незачем фиксировать.

Она меня не боится. Совсем. Ни моего тона, ни взгляда, ни молчания. Большинство людей реагируют хотя бы на что-то из этого.

Перевернулся на бок, завтра пересадка клубники, хотя перед этим еще нужно проконсультироваться с Раисой Захаровной. Полив по расписанию, потом проверка кровли над сараем, это был пункт седьмой в списке.

Все под контролем.

За окном в соседнем доме горел свет.

Она тоже не спала.

Это не имело значения. Я закрыл глаза и приказал себе спать. Организм выполнил приказ в двадцать три ноль-ноль. На тридцать минут позже обычного.

Это странно.

Глава 5 «Ночная миссия»

Вероника

Антон исчез в двадцать три тридцать.

Я знала точное время, потому что только легла, только накрылась пододеяльником без одеяла, потому что с одеялом было жарко, только закрыла глаза с намерением наконец-то выспаться.

И в этот момент со стороны загона раздался характерный звук отсутствия. Не звук, а именно его отсутствие. Шесть гусей – это определенный акустический фон, даже ночью. Пять гусей – это уже совсем другое.

Вышла с фонариком, пересчитала. Антона не было. Паразит.

Он сделал это нарочно. Я не могу этого доказать, но я в этом уверена.

Засов на загоне был аккуратно, без следов взлома, открыт. И для чего мы сегодня приколачивали доску? Чтобы этот гад открыл засов и устроил побег?

Антон умел открывать щеколды, это я знала, мама рассказывала, она как-то спалила его за этим. То, что он делал это ночью ради собственного удовольствия, было для меня новой информацией, которую я предпочла бы получить в другое время.

Постояла с минуту, подумала, а потом пошла стучать к соседу капитану. Он открыл через десять секунд – полностью одетый, с таким видом, будто и не ложился.

– Антон ушел.

– Я слышал, как что-то проскрипело. Двадцать минут назад.

– Ты слышал, как скрипело, и ничего не сделал?

– Я думал, ты проверяешь загон.

– В половине одиннадцатого?

– Ты непредсказуема, Вероника.

Это был не комплимент. Но и не оскорбление. Это была констатация факта, и именно поэтому я не нашла что ответить.

И мы пошли искать Антона.

Деревня ночью – это совершенно другой организм. Днем она понятная, обозримая, с людьми и звуками. Ночью она разрастается, темнеет по углам и начинает казаться значительно больше, чем есть на самом деле.

Фонарики давали два желтых пятна света, которые больше путали, чем помогали.

– Он обычно идет к пруду.

Мы проверили пруд за участком, к которому по обычаю гуляли гуси, пока не приехал генерал Буров, Антона нам не было.

– К Никитичу он ходил однажды. Там яблони.

– Зачем гусю яблони ночью?

– Затем же, зачем он делает все остальное. Из принципа.

Дмитрий посветил фонариком в сторону огорода Никитича. Темно, тихо, яблони стоят смиренно, Антона нет.

– Там дальше чей участок? – спросил Дмитрий.

– Тетя Зина. Она держит кур.

– Антон пойдет к курам?

– Антон пойдет куда угодно, если ему интересно.

Мы двинулись в сторону тети Зины. Забор у нее был старый, штакетник с дырами, и в одной из дыр я совершенно отчетливо видела белое пятно.

– Вон он, – я чуть не закричала.

– Вижу. Обойдем через калитку.

– Калитка с той стороны, мы потеряем время. Я через забор.

– Вероника...

Я уже перелезала, зацепившись маминым кардиганом, который я накинула поверх майки и пижамных шорт.

В теории это было просто: одна нога, вторая нога, приземление. На практике между теорией и приземлением оказалась крапива.

Она была повсюду. Высокая, июльская, в полную силу. Я приземлилась прямо в центр, прямо голыми ногами, и издала звук, который в приличном обществе не издают.

– Вероника! – Дмитрий перелез следом, быстро, чисто, без крапивы, что было биологически несправедливо. – Ты в порядке?

– Отлично, – процедила сквозь зубы. – Обожаю крапиву. Очень полезное растение.

Он посветил фонариком. Крапива была мне по пояс, я стояла в зарослях, и жжение распространялось такое, что хотелось кричать в голос и бежать вдаль.

– Дай руку.

– Я сама.

– Дай руку, Вероника.

Протянула руку, он одним уверенным движением вытащил меня из крапивы, я выскочила на чистую траву, едва не налетев на него. Он поймал меня за плечи и удержал. Мы стояли в темноте в полуметре друг от друга.

У него теплые руки. Это опять лишняя информация и совершенно ненужная в данной ситуации.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

Антон нашли у курятника. Он сидел снаружи и смотрел на притихших кур через сетку с видом этнографа, проводящего полевые исследования. Куры смотрели на него с нескрываемым беспокойством.

– Антон! Паразит!

Антон повернул голову. Потом снова повернулся к курам.

– Антон. Домой.

Антон встал, отряхнулся и пошел к выходу с участка. Сам, без конвоя, с таким видом, будто и так собирался уходить.

Он просто гулял. Вышел на ночную прогулку и теперь возвращается. Он сделал все, что хотел.

Мы шли обратно молча, ноги у меня горели. Я была в шортах, в одной кроссовке, вторая осталась в крапиве и была найдена Дмитрием, но он, как истинный зануда, ничего не сказал. У пруда я остановилась, Антон пошел дальше один, дорогу домой он знал лучше меня.

– Я хочу тебе кое-что сказать, – начала я.

– Говори.

– Ты невозможный человек.

Дмитрий молчал.

– Нет, я серьезно. Ты встаешь в полшестого. Составляешь расписание для огорода. Ночью слышишь, как засов на загоне скрипит, и ничего не говоришь, потому что у тебя в голове какая-то схема, которую я уже должна была проверить. Ты вытаскиваешь меня из крапивы с таким видом, будто это плановое мероприятие. Тебе вообще что-нибудь дается с трудом? Тебе вообще бывает неловко, страшно, непонятно, что делать?

Я замолчала, потому что сказала больше, чем собиралась, а это всегда неприятно, когда слова уже сказаны и вернуть их обратно невозможно.

Дмитрий смотрел на пруд.

– Бывает.

– Что?

– Страшно. Бывает.

Помолчал, вода в пруду тихо поблескивала, вокруг стояла тишина.

– Отец всегда держал все под контролем, – сказал Дмитрий. – Каждую точку, каждый участок, каждого человека в зоне ответственности. И все равно однажды не удержал. Человека потерял. Это был не его просчет, это была война, на войне по-другому не бывает. Но с тех пор он держит все под двойным контролем. Я с детства смотрел на это и думал: значит, надо держать еще крепче. Значит, если все контролировать, ничего не потеряешь.

Он повернулся ко мне.

– Я понимаю, что так не работает. Но это единственный способ, который я знаю.

Я этого не ожидала. Совсем не ожидала. Я ожидала колкого ответа или воинственного молчания, но не этого.

– Почему ты мне это говоришь?

– Потому что ты спросила честно. Я отвечаю так же.

Мы стояли у пруда. Было тепло, темно и тихо. Где-то вдалеке кричала ночная птица. Жжение в ногах почти прошло.

Он сделал шаг. Маленький, почти незаметный. Я почувствовала это раньше, чем осознала, расстояние между нами изменилось. Мужчина смотрел на меня, и в темноте его взгляд был не таким, как днем, не оценивающим, не отстраненным. Просто человеческим.

Вот сейчас. Прямо сейчас что-то происходит, и я не знаю, хочу ли я, чтобы это происходило. Нет. Я знаю. Именно поэтому мне страшно.

Отступила на шаг.

– Я не собираюсь быть твоим летним экспериментом, капитан Буров.

Он ответил не сразу. Смотрел на меня секунды три-четыре, так спокойно, без обиды, с таким выражением лица, которое я тоже не могла понять, и именно поэтому было страшно.

– Я не провожу экспериментов.

– Все так говорят.

– Я – нет.

Мы молча пошли домой в обход пруда. Антон уже сидел у ворот загона и ждал, когда его закроют, он завершил культурную программу и готовился к ночному отдыху.

Я закрыла засов, проверила дважды.

– Спокойной ночи, – сказал Дмитрий у калитки.

– Спокойной, – ответила я.

Зашла в дом, легла и уставилась в потолок.

Он сказал «я не провожу экспериментов» именно так, без интонаций, без прикрас. Просто сказал, и это было убедительнее любого красивого ответа.

Поэтому я отступила. Потому что если он не эксперимент, то что тогда?

Перевернулась на бок, за окном было тихо, в соседнем доме темно, ноги все еще немного жгло.

Спасибо, крапива. Очень полезное растение.

Глава 6 «Нештатная ситуация»

Дмитрий

Проснулся в восемь утра.

Это был удар под дых. Не в переносном смысле, а именно как удар. Резкое осознание, что что-то принципиально нарушено. Восемь утра!

Лежал и смотрел на часы, как смотрят на прибор, который явно сломан, но неловко в этом признаться.

Пять тридцать – норма. Шесть – допустимое отклонение. Восемь – это уже другой часовой пояс.

За окном деревня давно работала. Где-то стучал трактор, у Никитича лаяла собака, над прудом носились ласточки. Все это происходило без моего участия уже два с половиной часа.

Встал, умылся и поставил кофе. Потом стоял у окна и смотрел на улицу, пока кофе не перекипел. Ночь у пруда не давала покоя.

Не в том смысле, в котором это обычно говорят. В смысле буквальном: она мешала думать о чем-то другом, занимала место, на котором должны были находиться конкретные задачи.

Я хотел поцеловать Веронику.

Это был факт, который я зафиксировал, пока мы стояли в ночи, и который после этого никуда не делся, как гвоздь, забитый не в ту доску. Я сделал маленький шаг, почти произвольный. Она отступила. Сказала: *«Я не собираюсь быть твоим летним экспериментом, капитан».*

Сейчас я готов был сказать ей «Браво!», у двадцатилетней девчонки хватило ума остановить то, что могло произойти.

И в этих словах было столько собственного достоинства и такой точный диагноз ситуации, что я не нашел что возразить.

Потому что она была права. Четыре недели – это не время для чего-то настоящего. Это отпуск. Это деревня. Это временные переменные в уравнении, у которого нет долгосрочного решения.

Но я все равно хотел.

Это было хуже всего, не сам порыв, а его иррациональность. Я не делаю ничего без понимания последствий. Это не осторожность, это базовая логика. Действие без анализа последствий – это импульс, а импульс на службе стоит жизни. Это усвоил не из книг.

Почему-то именно здесь, в деревне, с дочерью жены моего отца, которая шумная, неуправляемая и которая совсем не в моем вкусе, эта логика давала сбой.

Вероника была хаосом. Абсолютным, последовательным, неисправимым хаосом.

Она снимала гусей в венках. Она лезла через заборы в крапиву без фонарика, в одной кроссовке, в коротких шортах. Она могла разбудить тебя в ноль часов тридцать минут из-за пропавшего гуся, а через пять минут стоять у пруда в темноте и говорить такие вещи, что у тебя перехватывало горло.

Она не боялась меня. Совсем. Ни тона, ни взгляда, ни молчания. Она смотрела на меня как на равного, как на человека, у которого можно потребовать честного ответа и получить его. Это был непривычный опыт. Не неприятный – непривычный.

Кофе я все-таки выпил. Невкусный, потому что перекипел, пока я стоял у окна и думал о вещах, о которых не следовало думать в рабочее время.

Потом вышел во двор.

На соседнем участке было тихо. Занавеска на окне Вероники задернута – спит. Антон сидел у калитки с видом гуся, который примерно понимает, что о нем думают, и в целом с этим согласен.

– Ты доволен? – спросил.

Антон моргнул.

– Закономерный вопрос, – согласился и пошел проверять огород.

Клубника после вчерашнего нашествия выглядела удручающе. Кусты примяты, несколько вырваны с корнем. Я осмотрел, прикинул, что можно спасти. Примерно треть.

Не катастрофа, но неприятно, в том числе потому, что огород принадлежит Раисе Захаровне, которая доверила его нам, то есть, по существу, мне, потому что Вероника была категорией непредсказуемой.

Хотя про зону ответственности она сказала правильно. Признала без подсказки. Это уже что-то.

Баба Клава появилась в половине десятого.

Я услышал ее со стороны улицы, женщина шла и уже разговаривала, хотя собеседника еще не было. Это был ее обычный режим работы: начинать рассказ заранее, чтобы к моменту встречи уже быть на середине.

– Иван Миронович, доброе утро! – она вошла в калитку, осеклась и посмотрела на меня.

– Ах нет, это Дима. Вылитый отец, я каждый раз путаю.

– Доброе утро, Клавдия Петровна.

– Как спал?

– Нормально.

Это было неправдой. Но некоторые ответы существуют не для передачи информации, а для поддержания разговора в рамках приличий.

– Я к тебе с просьбой, – она поставила корзинку на ступеньку. – У меня в сенях дверь перекосило, открывается с трудом. Никитич говорит, петли надо переставить, а сам не берется. Руки, говорит, не те. А у него руки-то нормальные, просто лень. Вот такой человек, жена у него была Марья, я тебе рассказывала? Работящая была женщина, при ней и забор стоял, и крыша не текла, и огород...

– Клавдия Петровна.

– Да-да, помер Никитич, к чему я. Нет, не помер, я это к тому, что Марья-то еще в живых, она к дочке уехала в Тверь, вот с тех пор у него руки и не те, потому что некому за ним следить. А ты смотри, Дима, оженись вовремя, это я тебе по-соседски говорю, потому что потом – сам видишь.

– Дверь посмотрю.

– Вот и хорошо, – она удовлетворенно кивнула и тут же продолжила: – Я тут с Зиной говорила, это которая кур держит, видел ее?

– Видел.

– Она говорит, ночью гусь к курятнику приходил. Твой, что ли? Или Раечкин?

– Раечкин.

– Антон, да? – она посмотрела на гуся с уважением. – Ну, этот далеко пойдет. Характер есть. Вы с Вероничкой вместе искали?

– Вместе.

– И как, нашли?

– Нашли.

– А потом?

Вот здесь нужно было быть осторожнее. Баба Клава задавала вопрос «а потом?» не потому, что не знала ответа, а чтобы сравнить версии.

– Вернулись домой.

Она смотрела на меня секунду с тем прищуром, который у нее означал «информация принята, но неполная».

– Хорошая девочка Вероничка, – сказала потом. – Живая. Слишком. Не то что некоторые нынешние, сидят в телефонах и ни здравствуйте тебе, ни пожалуйста. А эта – с людьми разговаривает. С гусями разговаривает. С тобой вот тоже, я слышу, разговаривает.

– Слышите?

– Деревня маленькая, Дима, – она произнесла это с таким спокойствием, которое не оставляло пространства для возражений. – Ты к ней хорошо относишься?

Вопрос был задан прямо, без обертки, в духе Вероники. Я подумал, что, может быть, они немного похожи, эта стремительная семидесятилетняя женщина и та, что спала сейчас за задернутой занавеской.

– Идемте смотреть дверь, Клавдия Петровна.

Она кивнула с видом человека, который получил ответ, пусть не словами, но получил.

Дверь в ее сенях действительно перекосило, нижняя петля ослабла, верхняя держала, отсюда и перекося. Я нашел в ее хозяйственном ящике отвертку и шурупы нужного размера, у деревенских людей старой закалки хозяйственные ящики всегда укомплектованы. Работа заняла двадцать минут.

Пока я работал, баба Клава стояла рядом и рассказывала про Петьку с соседней улицы, который держит пчел и продает мед дачникам по цене, которую баба Клава считала несправедливой.

Про то, что у Зины куры не несутся уже вторую неделю, и она думает на соседских котов, хотя коты тут ни при чем. И про то, что в прошлом году на деревенский праздник приезжал ансамбль из района и пел так, что у Никитича заложило уши на три дня, а он и рад был, потому что жена звонила.

Я вкручивал шурупы и слушал.

Это был отдых. Странный, непривычный, но отдых. Когда тебя не спрашивают ни о чем важном и не ждут решений, а просто рассказывают. Про Петьку, про кур, про ансамбль. Про жизнь, которая идет своим ходом и никого не спрашивает.

Дверь открылась легко, с первого раза, ровно, без усилий.

– Вот спасибо, сынок, – сказала баба Клава. – Руки у тебя хорошие. Отцовские.

Сложил инструменты, попрощался и пошел обратно. У калитки оглянулся, на соседском участке занавеска была отдернута. Окно открыто. Вероника проснулась.

Четыре недели. Четыре недели отпуска, и одна уже почти прошла.

«Я не собираюсь быть твоим летним экспериментом, капитан».

Зашел к себе, сел за стол и открыл список задач. Пункт седьмой – кровля сарая. Пункт восьмой – подвязать помидоры. Пункт девятый – позвонить отцу.

Про отца я думал отдельно. Он уехал с Раисой Захаровной такой счастливый, живой, наконец-то позволивший себе то, что откладывал тридцать лет. Он нашел человека, который не боялся его и не пытался им командовать, который смотрел на него как на равного.

«Ты слишком много думаешь о том, что правильно, и слишком мало о том, что хорошо».

Это сказала Раиса Захаровна. Про меня. Я закрыл список задач.

За окном Антон шел к пруду со своими товарищами своим маршрутом, своим темпом, ни на кого не оглядываясь. Существо с четкими приоритетами и абсолютным спокойствием насчет того, как на это смотрят окружающие.

Я его уважал. Это по-прежнему было правдой.

Что касается всего остального, я пока не принял решения. Но восемь утра вместо пяти тридцати – это был, пожалуй, первый симптом надвигающегося апокалипсиса.

Глава 7 «Не мой типаж»

Вероника

Вернулась домой и легла в кровать с ощущением, которое мне совсем не понравилось. Ощущение было теплым. И это было проблемой.

Не должно быть никакого теплого ощущения. Должна быть усталость, жжение в ногах от крапивы и законное раздражение на гуся, который испортил мне сон. Все остальное – лишнее.

Дмитрий стоял у пруда и смотрел на меня так, как не смотрят на человека, которого хотят вписать в расписание между поливом и кровлей сарая. Он сделал шаг. Маленький, почти незаметный, но я почувствовала его всем телом.

И отступила. Потому что правильно. Потому что надо. Потому что он не мой типаж.

Мой типаж – это люди живые, спонтанные, которые могут среди ночи предложить поехать к морю или купить мороженое в три часа утра. А не люди с таблицами полива и пунктом три на обороте. Не люди, которые в отпуске встают в пять тридцать и считают это нормальным.

Хотя встать в пять тридцать, чтобы полить чужой огород, пока хозяйка спит – это, если честно, не совсем то, что делают люди без сердца. Это, можно сказать, жест – и такой весомый жест.

Закрела глаза.

Стоп. Мы не думаем о Дмитрие Бурове. Мы спим. А капитан пусть занимается хозяйством, он сам вызвался.

Проснулась в одиннадцать с ощущением, что недоспала, хотя спала достаточно. Это была месть крапивы. Жжение немного прошло, но ноги все еще напоминали о вчерашнем. Полежала минуту, глядя в потолок, потом взяла телефон.

Сорок два уведомления.

Большинство из них были от подруги Вики, которая единственная из всех знала, куда я уехала так быстро и почему. Но один конкретный человек был заблокирован везде. И эта блокировка стояла намертво уже неделю.

Костик.

Даже мысленно произносить это имя было неприятно. Костя Орехов, двадцать два года, студент пятого курса, улыбка, как в рекламе зубной пасты, а еще колени на которых на той вечеринке сидела рыжая мымра в слишком короткой юбке и с таким видом, будто это было ее привычное место.

Вот же сучка!

Мы встречались полгода. Полгода – это не случайное знакомство, это уже что-то. Мне казалось, что мы движемся куда-то. Не быстро, но движемся. Я не торопила, он не торопил, и это было хорошо, потому что я хотела, чтобы мой первый раз был правильным.

Да, я девственница в двадцать лет, и это уже, как говорит Вика, диагноз.

Не потому что я живу по какому-то средневековому кодексу, и не потому что подруги правы, называя меня занудой и говоря, что я многое теряю. А потому что это моя жизнь и мое тело, и я хочу, чтобы это было с тем, кого я люблю и кто любит меня.

Костик, судя по рыжей на его коленях, эту концепцию не разделял.

Я уехала к маме на следующий день, раньше, чем планировала. Мама спрашивала, почему так внезапно, я сказала «соскучилась», и это была правда – неполная, но правда.

Зачем грузить маму в ее медовый месяц? Она счастлива, она только что вышла замуж, она смотрит на Ивана Мироновича как на личное счастье. Рыжая мымра на коленях Костики в этот пейзаж не вписывалась.

Телефон завибрировал. Вика. Я нажала «ответить» и сказала «привет».

– Ника, подожди, не отключайся.

Голос был не Викин. Опустила телефон на секунду, посмотрела на него, как на предмет, которому не доверяю. Потом поднесла обратно к уху.

– Как ты взял телефон у Вики?

– Она разрешила. Ника, послушай меня.

– Костя, – сказала, вставая с кровати, – у тебя есть ровно тридцать секунд, после чего я отключусь и заблокирую Виду тоже. И передай ей, что она мне больше не подруга.

– Ты неправильно все поняла.

Вышла на крыльцо, утро было хорошим, теплым, с запахом травы и маминой смородины. У нашей грядки Дмитрий привязывал помидоры. Заметила это краем глаза и переключила все внимание на гусей.

– Неправильно поняла? – переспросила. – Ты сидел на диване, у тебя на коленях сидела Алина, ты держал ее за талию. Что именно я поняла неправильно?

– Мы просто разговаривали.

– Стоя было неудобно? Или было бы удобней вести беседу с твоим членом в ней?

– Ника, ты же знаешь, как на вечеринках бывает...

– Не знаю. Я не сижу на коленях у чужих парней.

– Это не значит ничего серьезного.

– Для тебя, может, и не значит. Для меня значит.

Сошла с крыльца, пошла по участку, просто потому что стоять на месте во время этого разговора было невозможно. Ноги сами пошли, Антон проследовал мимо меня с независимым видом.

– Ника, я скучаю. Приедь. Поговорим нормально.

– Мы сейчас разговариваем.

– Я хочу видеть тебя.

– А я хотела тебе доверять. Я хотела, чтобы ты был моим первым мужчиной. У нас обоих не получилось. Значит, не судьба.

– Это нечестно.

– Нечестно – это Алина у тебя на коленях, – вышло громче, чем ожидала. – Костя, я не буду с тобой встречаться. Я не буду с тобой разговаривать. Передай Вике, что она предательница, и я ей об этом скажу лично. Все. Аживедерчи.

– Подожди! Ника, ты же не из-за этого уехала? Ты же не из-за меня к маме?

– Я уехала к маме, потому что соскучилась. Ты в моих решениях не участвуешь.

– Ника...

– И еще одно, – остановилась у забора и сказала это спокойно, без злости, потому что злость уже прошла неделю назад, и осталось только усталое понимание. – Хорошо, что все так вышло. Правда, потому что я чуть не совершила ошибку, которую было бы трудно исправить. Так что спасибо Алине. Искренне.

Отключилась. Постояла секунду, держа телефон двумя руками. Потом заблокировала номер Вики, конечно, временно, до выяснения отношений. Потом подняла взгляд.

Дмитрий стоял в трех метрах от меня с подвязочной лентой в руке и смотрел. Не нагло, не с любопытством, а с выражением лица человека, который слышал достаточно, чтобы понять контекст, и теперь не знает, куда именно смотреть.

Наши взгляды встретились.

Я представила, как это выглядело со стороны: взлохмаченная девица в пижамных шортах и майке с надписью «Weekend Mode», босая, орет на кого-то в телефон про коленки и Алину.

Мог бы не смотреть. Где его тактичность?

Я приложила руку к голове в коротком четком салюте. Повернулась и пошла в дом. За спиной было тихо, капитан ничего не сказал. И это почему-то было правильно. Зашла на кухню, поставила чайник, достала кружку.

Первый раз должен быть с человеком, которого я люблю. Это мой принцип. Подруги могут сколько угодно крутить пальцем у виска, их это не касается. Костик оказался не тем человеком – хорошо, что это выяснилось до, а не после.

Это правильная мысль. Здоровая. Взрослая. При чем тут Дмитрий Буров – совершенно непонятно.

Чайник закипел, заварила кофе, взяла кружку, пошла на крыльцо. Антон сидел на ступеньке, всем своим видом показывая, что он слышал весь разговор с самого начала и имеет по этому поводу свое мнение.

– Тебя не касается, – сказала я ему. – А еще раз сбежишь к курам, я расскажу маме.

Антон молчал, но смотрел красноречиво, Дмитрий продолжал подвязывать помидоры. Аккуратно, методично, без лишних движений. Спина прямая, даже когда наклоняется.

Не мой типаж.

Я отпила кофе.

Совсем не мой.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.